

Лидия Алексеевна Чарская

Белые пелеринки

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-053.2

ББК 84-4

Лидия Алексеевна Чарская

Белые пелеринки / Лидия Алексеевна Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 84 с.

ISBN 978-5-4241-3177-6

После службы институткам дали парадный обед: кулебяку с рисом, тетерьку с вареньем и кондитерские пирожные, все это полагалось девочкам по воскресным дням., За обедом Южаночка, однако, не притронулась ни к одному блюду. Даже любимое ею пирожное не произвело на девочку никакого впечатления. С потускневшими глазами сидела она за столом...

ISBN 978-5-4241-3177-6

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Лидия Чарская

Белые пелеринки

ГЛАВА 1

Ее ждут. Она приехала. Черные глаза не лгут

Дедушка, высокий, красивый старик в генеральском сюртуке нараспашку, вынул из жилета телеграмму и чуть ли не в сотый раз прочел:

«Приедем сегодня в три. Бранд».

Снова сложил бумажку, спрятал ее и, приоткрыв дверь кабинета, громко спросил:

— Все ли у вас готово, Марья Ивановна?

На пороге комнаты появилась толстенная, розовая старушка в черном фартуке, с белым чепцом на голове.

— Все, как есть все готово, Ваше Превосходительство, — отозвалась она, — все готово: и комната для дорогой гостеньки, и парадный обед и...

— А трубочки удались ли со сливками? — прервал ее дедушка.

— Уж так-то удались, что и желать лучше нельзя.

— А в новый умывальник свежей воды налили?

— Только что Сидоренко целый кувшин вылил, Ваше Превосходительство, — отозвалась старушка.

Дедушка кивнул, взглянул на добродушное личико Марьи Ивановны и неожиданно, по-юношески, засмеялся:

— Едет она! Едет, наконец-то, наша Южаночка!

— Так точно, едут-с, Ваше Превосходительство! — послышался грубоватый голос с порога комнаты, и рядом с Марьей Ивановной выросла бравая фигура старого солдата, с коротко остриженной седой щетиной на голове, добрым морщинистым лицом, маленькими заплывшими глазами и с рыжими усами.

И Марья Ивановна, и уса́тый солдат — денщик Сидоренко, составляли старую дедушкину гвардию. Лет двадцать тому назад дедушка — генерал Аркадий Павлович Мансуров — вышел в отставку и, овдовев, остался с семилетнею дочерью на руках. Для маленькой Саши, лишившейся матери, и была взята бонна Марья Ивановна. Когда Саша выросла, вышла замуж и уехала с мужем далеко на юг России, где стоял его полк, Марья Ивоновна осталась в доме старого генерала присматривать за хозяйством. Что же касается денщика Сидоренко, то он знал Аркадия Павловича Мансурова еще в более отдаленные времена. Дедушка и Сидоренко служили в одном полку, вместе ходили в поход на «турку», вместе делили все трудности походной жизни, вместе были ранены под Плевной, причем раненного в ногу дедушку Сидоренко вынес на руках с поля боя, несмотря на свою простреленную навывлет грудь, под гром неприятельских выстрелов. В один и тот же день и генерал Мансуров, и денщик Сидоренко вышли в отставку, и, не желая более разлучаться друг с другом, поселились вместе доживать свой век.

Один дополнял другого. И сейчас, увидя в дверях своего верного слугу, дедушка, чуть прихрамывая, приблизился к Сидоренко, хлопнул его по плечу и произнес:

— Что, дружище, настал, наконец, и на нашей улице праздник? Уж теперь-то скоро увидим нашу Южаночку! Скоро, братец ты мой!

— Уж чего скорее, Ваше Превосходительство, — отозвался слуга, улыбаясь и шевеля тараканьими усами.

В это время Марья Ивановна, не отводящая глаз от окна, неожиданно всплеснула руками и крикнула:

— Ах, еще этого не доставало! Снег пошел! Простудится еще, чего доброго, наша барышня.

— Простудится? Южаночка простудится? Ха-ха-ха-ха, — разразился смехом дедушка. — Не думаете ли вы, что какой-то снег может повлиять на здоровье Южаночки? Да она, голубушка наша, с детства приучена переносить всякие перемены погоды. В дождь босыми ножонками ее бегать посылала покойная Саша, ванны из холодной ключевой воды ей делала... — Тут дедушка оборвался на полуслове. Звонок дрогнул в передней.

— Она! — вырвалось у генерала Мансурова, он махнул рукою Сидоренко, а за ним и Марья Ивановна кинулась в прихожую.

Дедушка хотел было последовать за ними, но радостное волнение было так велико, что совсем лишило его силы. Его ноги задрожали, и он невольно остановился на пороге кабинета, протягивая вперед трепещущие руки...

* * *

— Дедушка!

Что-то шумное, ликующее, мокрое от снега, в белой шубке устремилось на грудь дедушки и повисло у него на шее. И тотчас же град поцелуев покрыл лицо старика. Белый капор скатился на спину, и перед генералом Мансуровым предстала прелестная смуглая головка со снопом густых смоляных кудрей.

Девочка была крепка, как молодая репка, и очень хороша собою.

— Вся в мать! Вся в покойницу Сашу! Марья Ивановна! Сидоренко! Глядите! Вся в покойницу-барышню Сашу, не правда ли? Что за прелестное дитя! — со слезами произнес старый генерал.

А «прелестное дитя» уже прыгало и болтала без умолку:

— Ах, как интересно и ново было ехать, дедушка. Кушать и спать в дороге! Очень хорошо! Только вот Крыса портила все дело. Всюду совалась с носом. Только и знала, что ворчала: «Инна, не ходите туда, Инна, не ходите сюда! Инна, сидите смирно, Инна, не болтайте ногами и не грызите ногтей!» Вот надоела-то до тошноты, право! А то, если бы не она, все бы хорошо было! Ведь я ни на минуточку не забывала, что еду к тебе, дедушка! Я так хотела увидеть тебя поскорее, познакомиться с тобою... Вот и приехала! Вот и узнала! Ты чудо какой хорошенький, дедушка! Точно старый царь Берендей из сказки. Только у Берендея борода, а у тебя нет. Отчего ты не носишь бороды, дедушка? А Сидоренко? Где твой Сидоренко, про которого мне так много рассказывала покойная мамочка? — Девочка завертелась из стороны в сторону.

— Вот он — Сидоренко! — представил внучке своего верного слугу генерал Мансуров.

— Ах! — взвизгнула девочка и очутилась на шее ошалевшего старика-солдата.

— Голубчик Сидоренко! Молодец Сидоренко! Я вас очень люблю, Сидоренко, и всегда молюсь за вас, за то, что вы не дали погибнуть дедушке и спасли его жизнь! Ах, как я вас люблю за это! — срывалось с губ Инны.

Старый денщик сиял от радости. Сиял дедушка, сияла Марья Ивановна... И вдруг сухой, холодный голос нарушил общее очарование.

— Инна! Куда вы забрались! Постыдитесь! Взрослая десятилетняя барышня висит на шее у прислуги!

Дедушка, Сидоренко и Марья Ивановна обернулись.

На пороге кабинета стояла дама, небольшого роста, тощая, с сутулой спиной, в скромной блинообразной дорожной шляпе поверх гладко причесанной головы, в простом, строгого фасона гладком платье. От нее так и веяло холодком.

— Это и есть Крыса! — успела шепотом пояснить дедушке Инна и, не сходя с рук Сидоренко, сердито блеснув глазами, проговорила скороговоркой по адресу дамы.

— Во-первых, Сидоренко не прислуга, а герой, а во-вторых, оставьте меня в покое хоть сегодня!

— Инна! Вы грубая, дерзкая девочка, и я попрошу вашего дедушку сделать вам строгий выговор за эти слова! — сдерживаясь, произнесла дама и, сделав паузу, проговорила резко:

— Сейчас же сойдите на пол и оставьте в покое денщика!

— Сидоренко не денщик вовсе, а дедушкин друг! Молодец! Прелесть! — И, соскочив с рук солдата, подхватила: — Вы разве не знаете, что Сидоренко — дедушкин спаситель? Подумайте только: спаситель. Вообразите только, m-lle Бранд, эту картину. Битва кипит. Турки дерутся, русские дерутся... Русские наступают... Турки их пушками, ружьями, саблями! А русские молодцы! Все вперед! Все вперед! И дедушка тут же. Он ведет свой полк на приступ. Барабаны бьют, музыка, трубы... кричат ура! Вдруг откуда ни возьмись турок! Огромный! Страшный. Кривая сабля в руке. Глазищи, как у волка... Да как над дедушкой саблей махнет! А Сидоренко тут как тут. По руке турку бац! Сабля лязг, мимо дедушкиной головы, только ногу задела. Дедушка упал. Сидоренко его поднял и марш — маршем назад. А турка — мертвый. Поделом ему — чуть-чуть не убил дедушку!

Инна бегала по комнате, махала руками. Но m-lle Бранд, казалось, далеко не разделяла возбуждения девочки.

Тонкая усмешка кривила ее бледные губы.

— Перестаньте дурачиться, Инна, у вас ужасные манеры, — произнесла она строго и, приблизившись к дедушке, добавила по его адресу с легким поклоном:

— Позвольте представиться, генерал, Эмилия Бранд, попутчица и будущая воспитательница вашей внучки.

Дедушка низко наклонил свою серебряную от седины голову и почтительно приветствовал г-жу Бранд.

Последняя, бросив мимолетный взгляд в сторону Инны, непринужденно болтавшей о чем-то вполголоса с Марьей Ивановной, заговорила снова:

— Очень рада познакомиться с вами, генерал, и в то же время мне крайне больно нанести вам глубокое разочарование по поводу вашей внучки в первый же момент вашей встречи с нею. Я уже отчаивалась довести ее благополучно к вам. С нею было столько хлопот! Боюсь, что и вам Инна доставит массу неприятностей. Впрочем, вам не придется терпеть их долго. Завтра вечером, не позднее девяти, я попрошу вас привезти девочку в институт.

— Как? Уже завтра? — вырвалось у дедушки. — Но побойтесь Бога, судары-

ня! Я пробуду только сутки с моей внучкой, свидания с которой ожидал целые годы! — И дедушка поник с грустью своей красивой, серебряной головою.

— Что делать, генерал! Такова была воля Агнии Петровны Палтовой, сестры вашего покойного зятя, опекунши Инны. Тетка девочки решила немедленно отослать Инну в наше учебное заведение, так как девочка зарекомендовала себя с самой дурной стороны. Как ни тяжело мне огорчать вас, генерал, но поступление Инны Палтовой в институт вызвано только целью исправить ее строгим казенным режимом. Я не хочу сказать, что это наказание, однако...

— Наказание... исправление... строгий режим... но вы буквально огорошили меня, сударыня. Чем зарекомендовала себя дурно моя девочка, что нуждается в исправлении? — высоко подняв свои седые брови, спросил взволнованным голосом дедушка.

Тонкие губы г-жи Бранд стали еще тоньше. Она сердито произнесла:

— Вы сами с минуты на минуту убедитесь, генерал, что продолжительное пребывание Инны у вас в доме немислимо. Ваша внучка — испорченное, свое-нравное, злое дитя, требующее строжайшего присмотра за собою и самого серьезного исправления. Только в самом дисциплинированном учебном заведении еще можно будет надеяться ее исправить, и, даст Бог, наш институт преуспеет в этом, потому и прошу вас, генерал, не медля ни одного дня, доставить к нам вашу внучку, — и, с легким поклоном г-жа Бранд поспешно вышла из кабинета, не удостоив ни единым взглядом виновницу ее негодования, воспользовавшуюся этим и высунившую вслед удалившейся наставнице язык.

* * *

Волнение дедушки было так велико, что он не только забыл предложить госпоже Бранд пообедать у него и отдохнуть с дороги, но и поблагодарить последнюю за все дорожные хлопоты о его внучке.

Мысль о том, что его черноглазую Инночку, его ненаглядную Южаночку отдают в закрытое учебное заведение, не давала ему покоя. До сих пор генералу Мансурову не приходилось слышать о том, что его внучка являлась испорченным и скверным ребенком. Правда, тетка мужа его покойной дочери, опекунша Инны, часто писала дедушке, что ее племянница — очень беспокойное, не в меру шаловливое существо и что рано или поздно ее придется отдать для «шлифовки» в какое-либо учебное заведение для благородных девиц. Но не об испорченности, ни о злом характере девочки не было и речи. Поэтому и немудрено, что сообщенное госпожой Бранд известие явилось громовой новостью для доброго старика.

Ему бесконечно стало жаль Южаночку, эту маленькую десятилетнюю сироту, с которой он вел горячую переписку с тех пор, как ребенок научился держать перо в руках и водить им на почтовых листах. Ни на минуту не поверил дедушка словам строгой наставницы, и все его симпатии оставались на стороне Инны.

— Здесь, очевидно, кроется какое-то недоразумение, — теряясь в догадках, решил дедушка, и ему захотелось сейчас же расспросить обо всем подробно свою юную гостью.

С этой целью он оглянулся в тот угол, где черноглазая Южаночка только что беседовала с его «старой гвардией». Но, к изумлению генерала, ни черноглазой Южаночки, ни «старой гвардии» не было в комнате. Только из столовой доносился звон посуды и веселый детский голосок.

Предчувствуя что-то недоброе, генерал Мансуров поспешил туда. Первое, что бросилось ему в глаза при появлении его в комнате, это растерянные лица Сидоренко и Марьи Ивановны.

— Что случилось? Где же Южаночка? — не замедлил спросить дедушка, ощущая в душе ту же смутную тревогу.

— На верхи-с, Ваше Превосходительство их высокородие изволили забрать-ся, — отпартовал Сидоренко, опуская руки по швам и вытягиваясь в струнку перед своим генералом.

— На какие верхи? Что ты мелешь, дружище? — широко раскрыл недоумевающие глаза дедушка. Но тут взрыв смеха, раздавшийся откуда-то сверху, заставил его поднять голову. Инна сидела на буфетном шкафу с огромным блюдом трубочек на коленях. Она весело болтала стройными ножками, обутыми в черные длинные чулки, и уничтожала десерт.

— Что ты делаешь, Южаночка! Как можно кушать сладкое до супа и жаркого. И зачем ты влезла на буфет? Еще, сохрани Бог, свалишься оттуда! — с ужасом воскликнул дедушка, инстинктивно протянув руки по направлению к буфетной вышке.

— А тебе это очень неприятно, милый дедушка? — лукаво прищулив черные глазки, осведомилась сверху шалунья.

— Очень неприятно, девочка.

— В таком случае, я слезаю вниз! Голубчик Сидоренко, держите блюдо! Так. Великолепно! А теперь раз, два, три! Поворот на-пра-а-во! Марш — маршем вперед! Ур-р-ра!

И едва только денщик успел принять из рук Инны блюдо, как девочка с веселым смехом скользнула вниз и, разметав руки, пронзительно взвизгнув, упала на турецкую атаманку, стоявшую по соседству с буфетом. Крик испуга не успел сорваться с губ дедушки, когда Инна, как резиновый мячик, подпрыгнув на мягких пружинах атаманки, уже стояла перед ним, и, взяв под козырек, звонким голосом рапортовала, копируя солдата.

— Честь имею доложить Вашему Превосходительству — неприятель еще не показывался. На горных высотах все спокойно. В долинах тоже. А теперь, — шалунья щелкнула языком, прищурилась и, скроив потешную рожицу, прибавила: — А теперь обедать, обедать скорее, дедушка. Твой бедный солдатик ужасно проголодался, деляя рекогносцировку. Надо, к тому же, доказать тебе, душка, что храбрые воины могут с успехом после трубочек с битыми сливками кушать и жаркое, и суп.

И с тем же беспечным смехом Инна подпрыгнула на одной ножке и повисла на шее дедушки. Но тут глаза ее встретились с его глазами. Печальное выражение этих глаз, идущее в разрез с общим выражением лица дедушки, улыбавшимся ласково и нежно, поразило девочку.

— Дедушка! Миленький! Хорошенький! Золотенький дедушка! Отчего ты такой грустный? Отчего у тебя глазки туманные, дедушка? Неужели из-за меня? Скажи, чем я огорчила тебя, дедушка?

А сердце генерала сжималось все сильнее и сильнее. Уж не за подобные ли поступки подвергнута она строгому наказанию? — мысленно задавал себе вопрос Мансуров и тут же решил во что бы то ни стало добраться до истины.

— Послушай, Южаночка, — проговорил он ласково и серьезно, взяв в обе

ладони разгоряченное смуглое личико внучки, — скажи мне правду, за что тебя тетя Агния отослала из дому и отдает в институт? Только правду, одну истинную правду хочу я знать, Южаночка!

— Конечно, я скажу тебе правду, дедушка, я всегда говорю только одну истинную правду! — покорно ответила девочка. — Я очень, очень дурная девочка! Я не знаю только, почему я такая дурная, когда мне всей моей душою хочется быть хорошей! Хочется делать все только доброе, прекрасное, а выходит на деле — одно дурное... Не находишь ли ты это поистине ужасным, дедушка? И так это всегда неловко выходит, если б ты только знал! Тетя Агния постоянно бранила меня, за все бранила! И за то, что я по деревьям лазила, и за то, что с татарскими ребятишками потихоньку бегала купаться в море. И что Эмильку Федоровну Крысой прозвала, эту самую Эмильку Федоровну, крысу бесхвостую, которую ты сегодня видел. Она служит классной дамой в N-ском институте, в том самом, куда тебе придется отвезти меня завтра, дедушка. Она давнишняя подруга тети и провела у нас все последнее лето. Вот-то была потеха с нею! Ха-ха-ха-ха!

Тут Инна, вспомнив что-то, очевидно, очень веселое, громко рассмеялась.

— Слушай, слушай, что только было у нас с нею, дедушка! Как-то раз я положила Эмильке-Крысе лягушку в постель. Ах, как она кричала. Кричала и дрыгала ногами, точно на ниточке паяц. «Змея! Змея! — кричит! И умоляла меня: Спасите меня, спасите!» Я чуть не умерла со смеху. Но ты сам посуди только, дедушка, разве не смешно бояться лягушки, которая никому не может причинить вреда? Разве можно за змею принять лягушку? А кучер Ермил так испугался Эмилькиных криков, что прибежал с оглоблей из конюшни змею убивать! Вот-то была умора! Я так смеялась, что осипла, а тетя страшно рассердилась на меня. Заперла в чулан на целый день, и потом на другое утро я узнала, что они меня решили с «крысой» в институт отправить. Ну, вот все. Я тебе все самое главное рассказала, дедушка, остальное все в том же роде. Видишь, какая я дурная! — совсем печально заключила Южаночка.

— Все ли, деточка? — переспросил дедушка, которому в одно и то же время хотелось и пожурить внучку, и расцеловать ее прелестное приунывшее теперь личико. А она хмурила лоб, стараясь припомнить, не совершила ли она какой-либо еще предосудительный поступок «из важных», чтобы не забыть рассказать его дедушке.

— Вспомнила! Вспомнила! Ах, вот-то еще была потеха. Ты только послушай, что я сделала, дедушка. Ха-ха-ха-ха! Я сняла с верхового Гнедка седло и переложила его на теленка Кичку. А сама села на Кичку и поехала на нем, как на лошади. Кичка прыгал как полоумный и кинулся к дому, влетел на террасу, где тетя с Крысой пили кофе, и прямо к столу... Тетя так испугалась, что упала со стула. И опять еще влетело по первое число. Опять целый день в чулане на хлебе и воде. Теперь уже я окончательно все до капельки рассказала тебе, дедушка!

— Нехорошо все это, Южаночка, — покачивая головою, произнес Мансуров, всячески сияясь скрыть улыбку.

— Знаю, что нехорошо, дедушка! — опять делаясь серьезной, проговорила девочка. — Но мне кажется, что если бы тетя Агния не наказала меня отдачею в институт, Бог знает, когда еще удалось бы мне повидаться с тобой, мой милый, мой хороший дедушка! А я так тебя люблю, — неожиданно закончила она свою речь горячим поцелуем.

